

ГАЛИНА РОМАНОВА

ПО СЛЕДАМ
СТАРЫХ
ГРЕХОВ

Когда прошлое
возвращается...

Галина Владимировна Романова

По следам старых грехов

Серия «Детективы Галины Романовой. **Метод Женщины. Новое оформление»**

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70330996

По следам старых грехов: Эксмо; М.; 2024
ISBN 978-5-04-199413-6

Аннотация

Михаил Ардин – успешный юрист, которого ценит начальство. Но все его знания и опыт не помогают в невероятной и дикой ситуации: внезапно исчезла старуха, которая жила рядом с Ардиным. Стены в доме пропавшей соседки в ее крови, на участке обнаружено пять захоронений, а записи с камеры показывают, что притащил и закопал тела Михаил... Ведущий дело майор Игнатов уверен в виновности Ардина, однако его помощница Кира видит нестыковки и допускает, что Михаила подставили. Но почему именно его?

Новая книга Галины Романовой – очень интригующая и трогательная история о том, насколько мы ответственны за то, что делаем со своей собственной жизнью. Несколько увлекательных сюжетных линий, повествующих о судьбах разных людей, развиваются параллельно, чтобы в финале сплестись в тугой узел,

когда все тайны будут раскрыты, а злодеи выведены на чистую воду.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	25
Глава 4	35
Глава 5	45
Глава 6	56
Глава 7	67
Глава 8	76
Конец ознакомительного фрагмента.	83

**Галина Владимировна
Романова**

По следам старых грехов

© Романова Г.В., 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Глава 1

Она стояла на своем крыльце, эта древняя противная старуха. На добротном отремонтированном крыльце. Интересно, она задумывалась над тем, что у окружающих непременно возникнут вопросы: откуда у нее деньги? Она раз в месяц что-то переделывает за своим забором. Тот, к слову, тоже новый. Его ей поменяли около года назад. Приехала бригада из десяти человек. Быстро – за день – демонтировали старую дощатую ограду. И за четыре дня обнесли участок железной, в два с лишним метров изгородью.

Он-то – наивный – поначалу порадовался. Все, теперь противная бабка не станет больше наблюдать за ним, за его жизнью. Она отгородится от него. И он ее даже про себя за это поблагодарил. Но...

Не тут-то было! Она не поставила забор между их участками. И если прежде их разграничивал маленький – в полметра – деревянный полусгнивший штакетник, то после сноса его осталась лишь живая изгородь. И все! Но разве это правильно? Какую функцию может выполнять чахлый, хоть и колючий кустарник? Были бы у бабки куры, они стопроцентно лазили бы сквозь него.

Кур у бабки не было. Зато точно водились деньги. Иначе откуда у нее средства на регулярные обновления? Интересно – откуда деньги?

Сейчас она стояла на своем новом крыльце. И смотрела на него в упор, насколько он мог рассмотреть с пятидесяти метров. Приблизительно такое расстояние было между их домами.

Ему ничего не оставалось делать, как проявить вежливость и поздороваться.

– Здравствуйте, Мария Марковна! – громко крикнул он, широко улыбаясь в сторону ее крыльца.

Она подумала, потом медленно кивнула. И, осторожно спустившись по трем ступеням своего нового крыльца, пошла в его сторону. Он насторожился. Такого прежде не случилось.

Интересно, ее остановит редкий колючий кустарник? Или она станет продираться сквозь него? Представив ее серое платье в пол, разорванное в клочья, и старую плоть, белеющую сквозь прорехи, он передернулся. Видеть подобное ему категорически не хотелось: ни старуху в разорванном платье, ни ее дряблую кожу.

Подумав, он двинулся ей навстречу. Дошел до кустов первым и принялся ждать, когда она доковыляет. Старуха не спотыкалась на своем неаккуратном газоне – нет. Она просто шла очень медленно. То ли сил у нее не было на те метры до сигнальной линии из живой изгороди. То ли по пути она о чем-то напряженно размышляла.

Дошла наконец. Остановилась в полутора метрах от него. И снова уставилась.

Он не отвел взгляда и тоже, в свою очередь, начал ее рассматривать.

Старуха была высокой, почти как он, то есть под метр восемьдесят. До его роста она не дотянула каких-то пяти сантиметров. Худая, но показалась ему жилистой. Рукава ее серого платья доходили ей до верхних фаланг пальцев. Но он сумел рассмотреть в ее правой руке резиновый эспандер, который она без конца сжимала и разжимала.

Ничего себе!

Ее ступней не было видно за длинным подолом, но он не удивился бы, окажись на ней «борцовки».

Лицо ее напоминало маску из сильно смятого выбеленного пергамента с тонкой прорезью под рот и двумя высверленными дырками под глаза – темные, смотрят остро. Ресницы бесцветные, брови густые и белесые. Волосы...

Волосы были шикарными, да. Густые, кудрявые, длинные. Даже сейчас, полностью поседев, они могли понравиться. Особенно в той прическе, которую она сделала сегодня. Как-то небрежно заколола, выпустив пряди. И ей это шло, как ни странно, и при ее возрасте даже делало привлекательной старушкой.

Но ровно до тех пор, пока она не размыкала рта.

– Здравствуйте, Мария Марковна, – повторил он, думая, что она не услышала его, потому и притащилась к их колючему забору.

– Я вас услышала с первого раза, – полетели в него сло-

ва из тонкой прорези для рта. – Я не глухая. Здравствуйте, Михаил.

Чего тогда притащилась к изгороди, интересно? Стояла бы себе на крыльце.

– Я к вам с претензией, Михаил.

А, ну конечно! А как иначе? Ради чего-то же прошла эти метры, хотя, возможно, они дались ей нелегко.

– Я весь внимание.

Он склонил голову, старомодно кланяясь. Но ровно настолько, чтобы быть почтительным, но не почувствовать себя униженным.

– Когда вы собираетесь поставить здесь забор?

Ее острый взгляд пробежался по чахлым кустам.

– Я?! – возмущенно удивился он.

– Вы.

– С какой стати? – не снижая голосовых оборотов, поинтересовался он.

– То есть я так понимаю, вас устраивает, что между нашими участками нет забора?

Прорезь для рта вдруг обозначилась губами. Они были почти бесцветными, но они имелись! Как он не сумел их рассмотреть за долгих два года соседства? Может, потому, что старуха впервые при нем так презрительно усмехалась?

– Нет, меня не очень это устраивает, конечно. Но у меня нет возможности сейчас выдергивать средства из бюджета для строительства еще и забора. К тому же, Мария Марков-

на... – Михаил склонил голову к левому плечу и приветливо улыбнулся. – Зачем нам с вами баррикады? Вы не заходите на мою территорию. Я не заступаю на вашу. У нас нет животных, которые могли бы беспрепятственно нарушать наши территориальные границы. Повторюсь, нам с вами это ни к чему.

Он умолк, настороженно за ней наблюдая.

Она как-то странно вела себя. То ли размышляла, то ли усмехалась снова. Потешается, что ли, над ним?

– А если я заведу кур? – неожиданно нарушила она повисшую паузу.

– Каких кур? – вытаращился на нее Миша.

Он пробежался взглядом по своим гравийным дорожкам. Газонам, стоившим ему денег. Клумбам, в которых всегда что-то цвело с весны до глубокой осени. Как ландшафтные дизайнеры обещали, так и сделали.

Территория была великолепно «причесанной». Как он и мечтал, переезжая сюда два года назад. Все красиво, без вычурности, чисто и, главное, тихо. Соседка-старуха его в этом плане устраивала как нельзя лучше. Не было горластых компаний, орущих день и ночь младенцев.

И вдруг среди этого великолепия ему почудился жуткий запах птичьего помета. Истеричное квохтанье заполошных кур, которых он будет постоянно гонять с участка.

– Это исключено, – вдруг вспомнил он новый закон. – Вы должны будете спросить разрешения у соседей. А я заранее

вам говорю нет. Никаких кур.

– А гости? Вдруг у меня случатся гости?

Ее крохотные глазки почти исчезли в складках пергаментной кожи.

– Гости – это не навсегда. Переживу как-нибудь вашу шумную молодежную вечеринку, – пошутил он и опять приветливо улыбнулся.

– А если не переживете?

Неожиданно налетевший ветер заколыхал ее небрежно выпущенные из прически пряди. И они уже не показались ему красивыми. Они напомнили ему старые пеньковые нити, выбеленные до серости.

– В смысле – не переживу?

У него действительно закралось нехорошее подозрение. Фраза прозвучала слишком двусмысленно. Но, глядя вслед старухе, медленно удаляющейся по своему газону в сторону нового крыльца, он посмеялся над своими страхами.

Ну какая, к чертям собачьим, вечеринка?! С чего он должен ее не пережить? Это просто фигура речи, не более.

– Мария Марковна! – окликнул он ее и, когда она обернулась, проговорил: – До свидания.

– До свидания, Михаил! – неожиданно громко ответила она и ткнула пальцем в сторону живой изгороди. – Все же подумайте о заграждении, чтобы потом не пожалеть...

Куры! Чем она ему угрожает, эта старая ведьма? Разведением пернатых на своем участке? Да плевать! Он уже через

час повезет жалобу в местный департамент. И в полицию завернет с заявлением. Пусть она не думает, что почтенный возраст позволит ей избежать ответственности. Нет. Он будет стоять насмерть!

Миша споткнулся на пороге своего дома и с силой шлепнул себя по губам.

Что он, в самом деле, кликает своими неосторожными метафорами беду? Или это гипербола? А, неважно, как это называется. Главное – это не про него. Он жил, живет и жить будет еще долго, долго. Причем в этом доме. А старуха...

А ей наверняка недолго осталось.

Все, а теперь в душ и спать. Завтра утром ему предстоит лететь на переговоры за границу. Это ближнее зарубежье, конечно, и переговоры ничего значимого собой не представляли. Формальность, не более.

Босс Миши договорился с тамошним шефом о присутствии юристов с обеих сторон. Чтобы они проверили каждую запятую. Чтобы отыскиали друг у друга каждое двусмысленное слово, исключили его. Чтобы подписанные контракты в будущем не вызывали ни у кого никакой головной боли.

Миша давно все проверил. С тамошним юристом говорил в режиме онлайн-конференции. Тот тоже все проверил. И вероятность подводных камней уже не просто сведена к минимуму. Она исключена вовсе.

– Но слетать все равно придется, – покивал шеф Миши, подписывая их вариант контракта. – Мало ли что...

Тамошний текст контракта был идентичным – слово в слово, буква в букву.

Но слетать все равно придется. Поэтому, приняв душ, еще раз проверив дорожную сумку и уложив с ней рядом ноутбук, Михаил отправился спать.

Спальня располагалась на втором этаже его дома. Шторы на окне он практически никогда не раздвигал. Утром не успевал. Днем его дома не бывало. А в выходные днем он в спальню не поднимался. Вечерами же раздвигать шторы было ни к чему.

Сейчас, стоя возле окна и рассматривая соседний дом в узкую щель между шторами, Миша недоумевал. В доме старухи свет горел во всех окнах. И даже на лестнице между этажами. Такого на его памяти за два года ни разу не случилось.

Интересно, что произошло? Старуха установила себе программу «умный дом» и теперь тестирует ее? И не знает, как с ней справиться?

Он тихо рассмеялся, отдернул руку и завалился на кровать. Через минуту он закрыл глаза и уже дремал, когда на соседнем участке раздался самый настоящий выстрел.

Глава 2

Старуха сидела на полу на первом этаже в холле – совершенно пустом, без мебели, с абсолютно белыми стенами, белым потолком и огромной белой лампой, висящей на белом толстом шнуре. И у ее ног лежало самое настоящее ружье.

Старуха сидела совершенно неподвижно. Голова была опущена на грудь, лицо занавесили ее распущенные волосы. Именно эта ее неподвижность и всполошила его.

– Что?! Что случилось?! Что с вами, Мария Марковна?! – заорал он, останавливаясь в метре от ружья и женщины.

Она не шевельнулась. Михаил понимал, что надо что-то делать, что-то предпринять, кого-то вызвать уже. Но стоял как вкопанный. Медленно обведя взглядом стены, пол и потолок, он не увидел никаких следов крови. Серое платье старухи тоже было чистым, как и полтора часа назад, когда они встретились у живой изгороди.

Вопрос: в кого стреляло ружье?

Он постоял минуту, еще несколько раз окликнул Марию Марковну, не добился результата и проговорил:

– Вы тут посидите, пожалуйста, я сейчас сбегая за телефоном, вызову полицию и медиков.

Конечно, он был без телефона. Хорошо, что успел натянуть спортивные штаны, а то бы прилетел на выстрел в одних трусах. Про телефон в тот момент, когда он мчался по лест-

нице вниз, потом бежал из дома, перепрыгивал через колючий кустарник и врывался в дом соседей, он точно не думал. Он спешил на помощь, вот так вот.

– Не надо полиции, Михаил, – произнес ему в спину скрипучий голос старухи. – Остановитесь!

Михаил послушно встал, повернулся. Она уже убрала с лица волосы, закинула их себе за спину. И смотрела на него теперь испуганно и растерянно, как маленькая девочка. Ему на мгновение стало ее жаль.

– Что здесь произошло, Мария Марковна? – присев перед ней на корточки, спросил Миша.

– Ружье! Ружье моего мужа! Оно всегда висело в сейфе, в кладовке. Я решила проверить его, а оно возьми и выстрели. Я едва не оглохла! Травмировала ладони. Особенно правую. – Она вытянула вперед обе руки, развернула ладонями вверх. – Вот, смотрите. Какой ужас!

Он смотрел и ничего не видел. Ужаса не было никакого. На правой ладони лишь небольшая царапина, и только. Хотя у стариков, возможно, болевой порог никакой. Их пальцем ткни, им будет больно.

– Давайте я вам перевяжу ладони, – предложил Миша и схватил ее за локти, намереваясь поднять.

– Погодите! – резко высвободилась она из его пальцев. И указала подбородком на ружье. – Уберите это! Пожалуйста! Я уже боюсь к нему прикасаться. Очень боюсь.

– Куда убрать?

Михаил встал, поднял с пола ружье. Минуту выслушивал инструкции. Потом нашел кладовку, она запиралась узкой дверью под лестницей. В кладовке обнаружил распахнутый сейф, встроенный в стену. Помедлил, прежде чем убрать в него ружье. Для чего-то понюхал дуло, осмотрел ствол. И, подчиняясь закономерному порыву, протер те места, которых касались его пальцы. Протер старым свитером, что валялся на полу в углу кладовки. Осторожно, придерживая ствол все тем же свитером, Миша убрал ружье в сейф. Запирать не стал. У него не вышло. Толстый ворс свитера не позволил схватиться за маленькую головку ключа. Сейф остался открытым.

Об этом он тут же доложил старухе, как вернулся из кладовки. Она уже стояла на ногах, поднявшись самостоятельно. Выглядела так себе. Волосы всклокочены. Лицо бледнее обычного.

– Вам перевязать ладони, Мария Марковна? – снова предложил он свою помощь.

– Нет. Спасибо. Обработаю перекисью, – слабым голосом ответила соседка. – Спасибо вам, Михаил, за помощь. Вы... Вы хороший человек. Вы просто рыцарь.

Вот почему ему в ее словах слышался какой-то скверный подтекст? Он разучился доверять людям? Или все дело именно в этой старухе?

– Хорошо. Доброй ночи.

Михаил вышел из ее дома. Старуха пошла за ним. При-

стально наблюдала за тем, как он спускается по новым ступеням ее отремонтированного крыльца. Словно он мог оставить следы от несуществующих когтей или наследить подошвами резиновых тапок.

– Всего вам доброго, Мария Марковна, – еще раз решил он проявить вежливость, повернувшись к ней от зеленой изгороди.

И кто-то дернул его в тот момент за язык, раз он добавил:

– Вот видите, как бывает полезно не отгораживаться от соседей высокими заборами. Не услышал бы выстрела, не прибежал бы на помощь.

Она молчала, как-то странно глядя на него. Рассмотреть точное выражение ее глаз в намечающихся сумерках он не смог. Но был почти уверен, что тонкая линия ее рта сложена ухмылкой.

– Старая стерва, – ворчал Миша, заходя в свой дом и забираясь на все замки. – Вообще непонятно, что там у нее стряслось...

Утром за ним пришла машина из офиса. Его благополучно доставили в аэропорт. Он улетел в служебную командировку, продлившуюся неделю.

– А должен был управиться за пару дней, – упрекнул его шеф, когда он сразу из аэропорта приехал в офис.

– Так получилось, – сморщил он виноватую улыбку. – Пытались, не скрою, пытались наши партнеры протащить пару предложений в своих интересах.

– Вот! – обрадовался сразу шеф. – А я что говорил! Глаз да глаз за всем! Молодец. Пару дней можешь отдохнуть. И в борозду. Да, кстати, тебя тут разыскивали.

– Меня? Кто?

Он искренне изумился. Разыскивать его было некому. Родители жили за Уралом. С ними он раз в два дня созванивался. Вчера был как раз их день. Они говорили десять минут. Все новости обсудили, включая бегство соседской собаки, вскрывшиеся банки с огурцами в подвале и урожай на даче. Мама с папой его разыскивать не могли.

Девушка? Нет, тоже не могла. Они распрощались два года назад. Расставание было болезненным. Она его бросила.

Потому что он вечно занят, потому что на нее у него совершенно нет времени, потому что он совершенно ее не замечает. Точку в ее постоянных претензиях и недовольстве поставило то, что он не заметил, что она покрасила волосы.

– Забудь меня! – приказала девушка, встретив его у лифта со своими чемоданами. – Насовсем забудь!

Ему было сложно ее забыть, но он очень старался. Почти забыл. Потом переехал из квартиры в дом, и получилось лучше.

Миша подумал и сам себе ответил: нет, она не могла его разыскивать.

– Я не знаю, кто тебя разыскивал, Михаил. – отозвался шеф рассеянно. – У секретаря спроси.

Его секретарша, страдая забывчивостью, все записывала.

Но системы в ее заметках не было. Она их теряла. Забывала. Разыскивала при необходимости. Поэтому Миша не особенно рассчитывал на успех, обратившись к ней за разъяснениями.

— А, Мишаня, привет, — заулыбалась она широко и, выслушав вопрос, удивила ответом: — Тебя искала полиция.

— В смысле, полиция? — Он сдвинул брови к переносице. — Ты ничего не путаешь?

А она могла!

— Нет. Сюда — именно на мой телефон — звонил ваш участковый. А потом и еще какой-то следователь.

И, совершая чудеса перевоплощения из забывчивой дурехи в серьезного офисного сотрудника, секретарша шефа вытащила откуда-то лист бумаги с написанными на нем номерами телефонов.

— Вот. Звони. Они просили.

Миша поблагодарил, сложил лист бумаги, отправил его в задний карман штанов. Но в своем кабинете, где тут же опустил жалюзи, отгораживаясь от любопытства коллег, лист достал. Положив на стол, расправил его ладонями. Тут же через программу в телефоне попытался определить по номерам личности звонивших.

Участкового он помнил в лицо. Даже, встречаясь, здоровался. Но точно не знал, что его зовут Сергей Иванович Куркин. Миша просмотрел все теги Куркина. Для кого-то тот был Серегой, для кого-то Курицей, ментом, папулей, бра-

тишкой. Муж и Любимый отсутствовали.

Номер второго позвонившего программа определить не смогла. С него Михаил и начал.

– Вы звонили... – не поздоровавшись, обронил он, услышав мужской голос в трубке.

– Михаил Ардин? – тоже не стал распыляться на приветствия мужчина.

– Слушаю вас.

– Майор Игнатов... Есть разговор. Вы не могли бы подъехать в отделение полиции? – Мужчина тут же назвал незнакомый Мише адрес.

– С целью?

– Нам надо задать вам несколько вопросов.

– Задавайте. Приехать не смогу. Я только прилетел из командировки. Даже еще дома не был.

– Хорошо, – не стал спорить мужчина. – Там и увидимся.

Миша отключил телефон и минуту сидел, уставив в пространство невидящий взгляд.

Что-то случилось? Что-то случилось. Сотрудник полиции просто так не приглашает на беседу. И в гости не напрашивается. А тут целый майор!

Его дом обокрали, пока он был в командировке? Да ну! Зачем он тогда нужен в полиции? Сразу бы рассказали, что и как. Не напускали бы туману. И уж точно не помчался бы к нему за город по московским пробкам майор полиции, если бы это была просто кража.

Миша нашел в интернете адрес, надиктованный ему вместе с приглашением. Это было далеко от их коттеджного поселка.

Что там шеф говорил? Что пару дней он может отдохнуть? Вот и ладненько. За пару дней он со всем разберется.

Подготовив отчет по командировке, он лично отнес его шефу. Выпил предложенный кофе. Обсудил с шефом несколько вопросов, казавшихся тому значимыми. И отбыл в двухдневный отпуск по месту регистрации. С такими словами отпустил Мишу шеф, приятельски постучав его между лопаток ладонью, когда провожал до двери кабинета.

Домой Михаил нарочно не спешил. Если майор приедет раньше, пусть ждет. О точном времени встречи они не договаривались.

Он взял такси от офиса, заехал по пути в супермаркет. Купил продуктов. Позвонил домработнице, приходившей убирать его дом дважды в неделю. Выслушал от нее пожелания по приобретению бытовой химии для уборки. Все под ее диктовку сложил в тележку.

– А вообще все нормально в доме?

Она точно должна была быть там вчера.

– Да. Все хорошо, – беспечно отозвалась она.

Миша не стал задавать лишних вопросов, чтобы не будить ее любопытство, простился и пошел к кассам.

В коттеджный поселок на такси он въезжал через сорок четыре минуты после того, как выехал со стоянки супермар-

кета. Его ворота были закрыты. За ними все было нормально. Дом стоял на месте. Все двери заперты. Жалюзи на первом этаже опущены. Он всегда так делал, когда уезжал. Газон, клумбы, колючая живая изгородь – все на своих местах, зеленеющее и цветущее.

Но вот за живой изгородью, на соседнем участке, все поменялось. Там творилось черт знает что!

Весь участок опоясывала сигнальная лента ядовитого желтого цвета с черной неразборчивой надписью по ней. За лентой туда-сюда сновал народ. Миша поначалу насчитал пятерых, но потом из дома Марии Марковны вышли еще трое. Двое в рабочих спецовках. Один в темных брюках, светлой рубашке и с папкой под мышкой. Пятеро, снующие по участку, постоянно что-то рыли. Миша насчитал пять свежих ям.

Интересное кино! А где Мария Марковна? Как она позволила творить подобный беспредел?

И вот тут в душе у Миши впервые тревожно заныло. На тонкой ноте пока заныло, даже до сердца еще не поднялось и набатом в голове не зазвучало. Крохотное такое предчувствие надвигающихся неприятностей.

Но оно вдруг из крохотного начало стремительно перерастать в крупное, по мере того как дядя в штатском шел по участку Марии Марковны в сторону живой изгороди.

Мужик серьезный, тут же сделал вывод Миша. И взгляд его – добра не сулящий – все время держал Михаила в поле

зрения.

– Михаил Степанович Ардин? – еще не доходя до изгороди, спросил мужчина.

– Так точно, – почему-то по-армейски ответил Миша.

– Игнатов Игнат Валерьевич, – представился мужчина, достал удостоверение. Позволил прочесть из своих рук. – Майор отдела по особо тяжким преступлениям. Можем поговорить?

– Конечно.

Миша отступил в сторону. Минуту наблюдал, как продирается сквозь колючки майор. Потом, дождавшись, когда тот отряхнется и поправит выползшую из-под ремня рубашку, спросил:

– А что здесь происходит? Где Мария Марковна? Как она могла позволить свершиться подобному на ее участке?

– Очень хорошие вопросы, Михаил Степанович, – одними губами улыбнулся майор. – Не пригласите в дом, чтобы мы могли с вами там побеседовать?

Разумеется, он пригласил. Бросив у порога дорожную сумку, которую все это время держал в руках, сразу позвал майора в кухню. Был уверен, что тот захочет что-нибудь выпить.

Майор захотел зеленого чая. Быстро заварив чай, Миша поставил перед Игнатовым чашку с блюдцем, сахарницу и френч-пресс. Себе сделал кофе со сливками. Сел напротив майора. Вопросительно уставился.

Майор красноречивый взгляд его понял, чашку отодвинул, раскрыл кожаную папку и монотонно зачитал:

– Гражданин Ардин, вы подозреваетесь в убийстве вашей соседки – Говоровой Марии Марковны. И у меня к вам единственный вопрос: куда вы подевали ее тело?

Глава 3

Первая минута шока прошла в полном молчании. Потом Миша рассмеялся.

– Даже не стану задавать вам вполне уместный в данной ситуации вопрос: вы в своем уме, товарищ майор?

– Могли бы и задать, – отозвался ворчливо майор и вцепился в чайную чашку обеими руками. – Потому что мне кажется, что я ума этого самого действительно лишаюсь. Не поможете меня вразумить?

«Умный, хитрый, коварный», – сделал тут же вывод о своем госте Михаил.

– Озвучьте проблему, – попросил он. – Только не с того места, где я убил Марию Марковну и куда-то подевал ее тело.

– А проблема-то как раз и начинается с ее странного исчезновения, уважаемый Михаил Степанович.

– А с чего вы решили, что она исчезла? Когда я видел ее в последний раз, она...

– Вот! Прошу вас с этого места поподробнее! – Игнатов со звоном опустил чайную чашку на блюдце. – Когда вы видели ее в последний раз?

– Неделю назад. Поздним вечером.

Миша наморщил лоб, будто пытался освежить воспоминания. На самом деле он анализировал подробности их последней с Марией Марковной встречи. И находил их, мягко

говоря, для себя неудобными. Вот сейчас майор точно спросит: при каких обстоятельствах они виделись? И что ему отвечать? Правду или солгать?

Майор спросил. И Миша ответил правду.

– То есть она сидела на полу в холле, в ногах у нее валялось ружье, выстрел из которого вас разбудил? Так? – Майор опустил взгляд в чашку, которую вертел на блюде как заведенный.

Он вообще редко смотрел на Михаила. Предпочитал ощущать взглядом предметы вокруг него. Цепко, запоминая.

– Совершенно верно, – кивнул Миша.

– Она попросила вас убрать ружье в сейф, от медицинской помощи отказалась и полицию вызвать не захотела. Правильно я понимаю? – Чашка продолжила вертеться на блюде.

– Правильно.

– Вы отнесли ружье в сейф, запирать сейф не стали. Почему?

Игнатов неожиданно поднял на него глаза, и там ничего хорошего для Михаила не высветилось. Он не вчера родился – понял сразу. Поэтому и отошел от правдивого сценария. Просто пожал плечами и ответил:

– А зачем? Сейф не мой. Она отпирала. Ей и запирать.

– Понятно...

Пальцы майора оставили наконец чашку в покое. И принялись барабанить по столу. Легонько, без нажима.

– И вы ушли тотчас из ее дома?

– Да.

– И она вас вышла проводить?

– Она вышла на крыльцо и смотрела мне вслед до тех пор, пока я не скрылся за своей дверью. Я ответил на все ваши вопросы?

Михаил поставил чашку на стол с излишне громким стуком. Но таковы были намерения.

– Будто бы да, но понимаете, в чем дело... Мое руководство считает вас виновным в смерти вашей соседки. И не только.

– И не только?!

– Вы ведь видели, что весь участок Марии Марковны перерыт, так?

– Видел.

– Знаете, что это за ямы? – Он дождался Мишиного отрицательного качания головой и закончил со вздохом: – Это могилы, Михаил Степанович.

– Могилы чего?!

Вот теперь набат в его голове зазвучал в полную силу.

– Не чего, а кого, гражданин Ардин. В этих могилах покоятся останки людей, один из них был даже похоронен заживо, как удалось выяснить нашим экспертам за неделю вашего отсутствия.

Он молчал, вспоминая ямы по всему участку Марии Марковны.

– И прежде чем вы заявите, что никакого отношения к этим телам не имеете и что захоронениям тем может быть много лет... – Майор полистал бумаги в папке и запустил в его сторону лист экспертизы. – Им от года до двух месяцев, Ардин. Так что не пытайтесь...

– Но это не мой участок! – возмущенно воскликнул Миша, перебивая его, и вскочил со стула. – Все вопросы ваши должны быть адресованы этой старухе!

– И снова незадача, Михаил Степанович.

Игнатов заученно запустил пальцы в папку с документами, выдернул из середины копию регистрационного свидетельства. Миша был юристом. Знал, как именно выглядят подобные документы.

– Сей документ гласит, Михаил Степанович, что около полутора лет назад Мария Марковна Говорова оформила на вас дарственную на свой участок и дом. Ознакомьтесь, пожалуйста. Что скажете?

Требовать адвоката было глупо. Он был квалифицированным юристом, с правом работы и адвокатом тоже. В данной скверной ситуации довериться кому-то, возможно, не вполне грамотному и опытному, было неразумно.

– Скажу, что впервые вижу данный документ. И не знал, и никогда не слышал, и даже не догадывался, что соседний участок принадлежит мне. По праву дарения его мне.

– А вот это договор дарения, и под ним, кажется, ваша подпись, – кисло улыбнулся ему Игнатов, демонстрируя оче-

редную копию документа.

Вот никогда у Миши так не тряслись руки, как в тот момент, когда они потянулись за копией договора дарения. Происходящее ему все еще казалось каким-то розыгрышем, чьей-то злой шуткой. Может, старуха ему мстит за то, что он отказался разграничить их участки забором? Она требовала, он отказался. На вот теперь, получай.

– Это не моя подпись, – выдохнул Миша с облегчением, внимательно рассмотрев последнюю страницу договора.

– Кто это может подтвердить? – Майор, поджав губы, сгреб все бумаги со стола и убрал их в папку.

– Ваши эксперты. Хотя это легко определить невооруженным взглядом. Сейчас я принесу вам...

Он привстал, чтобы сходить в свой кабинет на втором этаже и принести майору что-нибудь из своих бумаг. Должен же представитель правопорядка убедиться, что все происходящее – чья-то идиотская выходка, попросту подстава.

– Сидеть! – неожиданно рявкнул майор.

Миша послушно опустился на стул, вопросительно уставился на следователя.

– Вы считаете, что я сбегу? – догадался он. – Мне незачем. Идемте вместе, я постараюсь вас убедить, что на договоре не моя подпись. Можете даже обратиться к моему руководству, они вам продемонстрируют образец. Он у них имеется.

Майор как-то странно на него глянул и, досадливо крякнув, отвернул лицо.

– Вы уже знаете, что мои слова – правда, – снова догадался Миша. – И знаете, что подпись на договоре не моя. Тогда к чему все это? Все ваши вопросы и...

– А что вы хотели, Ардин?! – взорвался неожиданно майор Игнатов.

И, выбравшись из-за стола, нервно заходил по его кухне.

– Участковому поступает анонимный звонок о том, что на соседнем с вашим участке что-то произошло. Что там страшно кричала женщина, умоляя о помощи. Участковый отправляется на указанный анонимом адрес и что находит?

– Что?

Мише приходилось все время крутить головой, потому что майор вдруг взялся маршировать за его спиной.

– Он находит открытые ворота, распахнутые настежь двери в дом. А в доме... – Майор Игнатов неожиданно остановился сзади и через мгновение выдохнул ему прямо в макушку: – А в доме, в холле, все стены в крови. Представляете?

– Нет.

Мише сделалось тошно от новости. От того, что чужое горячее дыхание касается его волос.

– Когда я уходил, стены были белыми, – уточнил он на всякий случай.

– А еще мы обнаружили в доме камеры видеонаблюдения, – будто не слыша его, продолжил говорить майор, обдавая его макушку горячим дыханием. – И на записях... Вы не

представляете, что за улики против вас мы обнаружили на этих записях, гражданин Ардин.

Михаил уже представил!

Вот он с ружьем в руке идет по холлу в сторону лестницы. Скрывается под ней. Потом выходит. Его не спасет даже отсутствие его отпечатков на ружье. Он шел по коридору старухи с ружьем в руке – все.

Господи, какой же он дурак!

– Если у вас на руках записи, вы должны были слышать, о чем мы с ней говорили.

– Звук не транслировался. Только картинка, – огорчил его майор.

– Тогда вы должны были видеть, что я вышел, а она следом за мной.

– Этого на записях не было. Только вы с ружьем в руках.

– И что? – подумав, с вызовом глянул на него Миша. – Если только я с ружьем в руках, то... Там же видно, что на стенах нет крови, когда я иду по холлу. Они остались белыми, девственно-белыми, майор! И на моей одежде нет крови. Вы же видели! И можете взять ее из кучи невыстиранного белья...

И тут он, невзирая на грозные окрики Игнатова, вскочил и почти бегом кинулся в прачечную. Там опрокинул корзину для грязного белья, вытащил спортивные штаны и футболку, в которых был роковым вечером в доме старухи.

– Вот! Смотрите! Это моя одежда! – тряс он перед Игна-

товым, который тут же спустился с ним в цокольный этаж. — Можете провести сотни экспертиз. На ней нет и следа крови. Я ее даже не стирал. Не успел. Улетел в командировку. Что вообще за ерунда происходит?!

Майор молчал, внимательно ощупывая взглядом вещи, которыми тряс перед ним Миша. Затем вытащил из папки, с которой не расставался, пакет для вещдоков. Тряхнул им, расправляя. И потребовал от Миши положить туда вещи.

— Ну уж нет! — спрятал он штаны с футболкой за своей спиной. — Зовите сюда понятых, будем оформлять выемку по закону. Чтобы потом эти вещи ненароком вдруг не оказались вымазанными.

Майор был недоволен, что его так вот лихо щелкнули по носу. Но вынужден был подчиниться. Не Мише, нет, протоколу.

Понятых пригласили из дома через дорогу. Молодые супруги, только что выбравшиеся из собственного бассейна, еле успели переодеться в сухую одежду. Они без конца шушукались и таращились на Мишу как на исчадие ада. Ему их симпатии были не нужны. Ему было нужно их свидетельство того, что на его вещах нет пятен крови. Подписав протокол, супружеская пара исчезла за воротами.

— Что-то есть еще ко мне, майор? Я после перелета, устал.

Ему не терпелось выпроводить следователя. Хотелось остаться в тишине и одиночестве и как следует подумать.

— Еще кое-что есть, Михаил Степанович. Еще есть вопро-

сы. И было бы лучше, если бы я вам их задал в отделе.

– Если вы хотите меня задержать, предъявите обвинение.

Миша крепко сжал челюсти, чтобы не кричать, и очень недвусмысленно теснил Игнатова к выходу.

– Я могу задержать вас на семьдесят два часа, до выяснения, – вяло огрызнулся тот, сделав назад пару шагов.

– Мы все выяснили, разве нет? – Он стиснул за спиной ладони в замок. – На моих вещах нет крови. Ружье я отнес в кладовку, как и просила старуха. И да, раз уж зашло все так далеко, я понюхал дуло перед тем, как убрать ружье в сейф. Из него не стреляли. В тот вечер из него точно не стреляли.

Майор как-то быстро согласился, кивая. И признался, что экспертиза установила, что из этого ружья не стреляли последние несколько лет точно.

– Но что удивительно, Михаил. – Он снова изобразил улыбку одними губами. – На ружье нет ваших отпечатков пальцев. Как думаете, почему?

Да потому что он их сам стер, подчиняясь странному порыву. После того как понял, что из дула не пахнет пороховыми газами, сразу свои отпечатки и стер. Но признаваться в этом он ни за что не станет.

– Все вопросы к старухе. – Миша холодно смотрел на майора, тот, отступив на два шага, снова встал намертво. – Зачем она выманила меня к себе? Она же выманила, шарахнув чем-то похожим на выстрел. Зачем велела взять в руки ружье, из которого не стреляли? И что за ерунда с дарственной? На-

сколько я знаю, на мне не числится ее участок. Я только месяц назад оплатил налог на землю. Вы делали запрос в Росреестр? Там подтвердили, что я владею той землей?

По тому, каким тоскливым сделалось выражение невзрачного лица Игнатова, Миша понял: никаких запросов они не делали. Нашли бумаги в шкафах старухи и успокоились.

– Вы пришли ко мне с фальшивкой, решив, что можете так вот запросто сворачивать мне кровь?! – Миша рассвирепел. – На каком, мать вашу, майор, основании?!

Игнатов сердито сжал губы, уставившись на Мишу впервые открыто и с нескрываемой неприязнью. Видимо, размышлял, предъявить тому за грубость или нет? И тут же снова полез в папку, порылся там и вытащил несколько цветных фотографий.

– На том основании, гражданин Ардин, что на этих фото точно вы. И тут ваши действия выглядят не столь безобидно, как в холле соседнего дома, по которому вы разгуливаете с ружьем в руках. Не хотите взглянуть?

Даже если бы Миша и не хотел, майор не оставил ему выбора, сунув фото ему за вырез рубашки. Руки-то он по-прежнему держал за спиной. Взяв в руки фотографии и полистав их, он поднял совершенно безумный взгляд на майора. И единственное, что сумел выговорить, это длинное ругательство.

Глава 4

Такого скверного дела, которым наградило его завершающееся лето, на его памяти не было. Совсем никогда не было! Какой-то просто безумный триллер, от него кровь стынет в жилах, и ты не знаешь, кто дальше станет жертвой, а кто убийцей.

Игнат сидел за кухонным столом за холостяцким завтраком из трех пережаренных яиц, подгоревших тостов и чашки несладкого жидкого кофе. Крепкий кофе он не мог себе позволить. Точнее – его здоровье ему не позволяло. А кофе по утрам остро хотелось. Вот и разжижал его кипятком до состояния прозрачности. Ничего, привык. И к яичнице, неприятно хрустевшей по краям, привык. К подгоревшим тостам тоже.

Они всегда подгорали. Тостер был дерьмовым, дешевым. Бывшая жена купила как-то на распродаже в интернете, попыталась обкатать, разочаровалась и при разводе оставила ему как его часть совместно нажитого имущества. Он не роптал, не скандалил. Он пребывал в горьком недоумении, наблюдая за ее сборами.

Она не просто уходила из квартиры, она уходила от него навсегда. Она уезжала из страны. И выходила замуж за иностранца, с которым – прости господи – познакомилась в интернете на сайте знакомств. Когда Игнат попытался ее вразу-

мать разговорами об опасностях, таящихся в подобных знакомствах, она счастливо рассмеялась и сказала, что у нее случилась неожиданная любовь и это навсегда.

Спустя время он наталкивался в социальных сетях на ее фото счастливой тамошней жизни.

Нет, не так.

Он специально рыскал по соцсетям в поисках ее фото. Находил и разочаровывался, finding свою бывшую на этих фото счастливой.

Она на яхте в окружении красиво одетых людей. В ресторане за красиво накрытым столом. На берегу океана в бикини – похудевшая, помолодевшая.

Игнат тяжело вздыхал, закрывал страничку в соцсети, старался забыть. Но спустя какое-то время снова туда совался. И снова печалился.

Но новое дело, обрушившееся на него кузнечным молотом, заставило его позабыть на время о печалях по бывшей жене.

Да, да, именно молотом, не снегом на голову. Это дело – оно было загадочным и каким-то несуразным. Вроде бы все указывало на единственного подозреваемого. Улик целое ведро, как любил говаривать его старший наставник Иван Васильевич Волошин, вышедший в запас год назад. Но когда это ведро тряхнешь как следует, ничего и не остается. Это тоже его слова. Мыльными пузырями все взмывает вверх и лопаются – и эти слова принадлежали Волошину.

Так произошло с уликами и в этом странном деле.

Все подозрения падали на юриста одной весьма процветающей фирмы – Ардина Михаил Степановича.

Нормальный такой себе малый, тридцати восьми лет. Симпатичный, холостой, на первый взгляд без вредных привычек. После окончания школы где-то за Уралом отучился на юриста в одном из московских вузов. Весьма успешно, к слову, завершил учебу. Ушел служить. Остался в армии по контракту, побывал в горячих точках.

Информации о его армейских подвигах у Игнатова не было. Их еще предстояло запросить. Доступ к информации по Ардину был закрыт.

По возвращении в Москву сразу устроился в фирму юристом, где и работал до сих пор. Уже три года успешно трудился.

Все коллеги отзывались о нем положительно. Шеф особенно. И женщины, что Игнатова не удивило. Михаил Ардин был не просто симпатичным, а очень симпатичным. И успешным. И холостым. И еще у него имелся собственный дом в ближнем Подмосковье. И наверняка состояние его счетов было обнадеживающим.

Но это Игнатову еще предстояло выяснить. Запрос был готов.

Все с виду замечательно, но вдруг!..

Вдруг все в его жизни круто меняется. Скверным образом меняется.

Ардин улетает в командировку. И в это время кто-то, не представившийся участковому Куркину, звонит на его стационарный рабочий телефон и искаженным голосом говорит, что в доме по соседству с Ардиным громко кричит и зовет на помощь какая-то женщина.

Участковый, понятное дело, все бросает и мчит туда на служебном автомобиле. И что обнаруживает? Пустой дом с забрызганными кровью стенами в холле. Распахнутый сейф в кладовке под лестницей, а в нем ружье. Перепугавшись, он сразу позвонил кому следует, и уже через пару часов в доме и на участке работала оперативная группа сразу с тремя экспертами.

Были найдены видеокамеры, установленные по всему дому, с сохраненными за последние полтора года записями.

– Серьезная аппаратура, – похвалил один из экспертов, уважительно прищелкнув языком. – Денег хороших стоит!

На этих записях, странное дело, почти не засветилась хозяйка дома. Там прядь волос выхватил объектив. Там подол серого платья. Сгорбленный силуэт со спины в темной комнате у окна. Не более. Лица ее нигде не было на записях. Вообще нигде и ни разу.

Это сразу вызвало у Игнатова беспокойство. Легкое, не вполне объяснимое беспокойство, но в душе его оно поселилось.

Далее...

Они обнаружили на записях самого Ардина, разгуливаю-

щего по холлу Марии Марковны Говоровой с ружьем в руках.

Да, на его одежде не было крови. И холл был девственно-чист: и пол, и потолок, и стены. Никаких следов крови, обнаруженных участковым днем позже.

Походив с ружьем по холлу, Ардин отправился с ним в кладовку. Оттуда вышел через две минуты сорок пять секунд – камера все отлично зафиксировала. И почти сразу двинулся к входной двери. Дальше запись обрывалась.

Эксперты, что странно, не нашли на ружье ни единого отпечатка Ардина. Как так? Почему? Он их сам стер или кто-то это сделал за него?

Вопрос, зачем это кому-то надо, загонял Игнатова в тупик.

Далее...

Из ружья не стреляли. Уже давно! А Ардин утверждал, что прибежал на звук выстрела. Врет? Или его выманили подобным образом из дома? Возможно как одно, так и второе.

Следующий вопрос: как бывший вояка, взяв в руки ружье, не проверил: заряжено ли оно? Даже попытки не сделал. Почему?

У самого Ардина ответа не было. Он уверял, что растерялся спросонья. И решил, что раз выстрел прозвучал, патрона нет.

Может быть, может быть.

Далее...

При обыске были обнаружены документы на участок и дом на имя Ардина. Договор дарения, регистрационное свидетельство и еще какие-то платежные справки на пошлины. Игнатов сразу все для себя решил и уже потирал руки в предвкушении быстро закрытого дела, как посыпались сюрпризы отвратительного свойства.

Подпись свою Ардин не признал. И заверил майора, что за ним не числится данная недвижимость. Мол, узнайте в Росреестре.

Узнали. Не числилось такой недвижимости за гражданином Ардиным. И при более тщательном изучении эксперты установили, что все документы фальшивка. Отличного качества, но фальшивка.

Вопрос, зачем это кому-то было делать, Игнатова из тупика не выпускал.

Далее...

В доме была найдена флешка с сохраненными на ней записями с уличных видеокамер. Записей было несколько. Точнее – пять. И на них...

– Твою же мать! – заорал Игнатов, ознакомившись с содержанием. – Но как так?!

На записях гражданин Ардин каждый раз тащил от порога не своего дома тело убитого человека. Укладывал его на землю. Долго и сосредоточенно рыл яму. Потом сбрасывал в нее тело и закапывал. Именно на основании этих записей и были установлены точные места захоронений. И причаст-

ность гражданина Ардина если не к убийствам, то к сокрытию следов преступлений.

И снова Игнатов потирал руки, радуясь такому благополучному разрешению дела. Рост, фигура, одежда – все принадлежало Ардину.

Но, как оказалось, принадлежало на первый взгляд. А на второй...

– Все эти дни я отсутствовал в городе, – зло рассмеялся ему в лицо Михаил Степанович Ардин. – У меня алиби на каждую из этих пяти ночей. Я был в служебных командировках.

– Проверим, – кисло улыбался в ответ Игнатов.

– Проверяйте! Только извинений ваших я потом не приму, так и знайте!

До извинений дело пока не дошло. А вот Ардина было решено заключить под стражу до выяснения всех обстоятельств.

С того времени прошли сутки. Алиби трех из пяти ночей уже подтвердило непричастность Ардина. Одежда, в которой Ардин якобы зарывает убитых людей на участке Марии Марковны Говоровой, нашлась на полках его шкафов. Но вот ни единого следа замытой крови не имела.

– Так не бывает, майор, – злился на него один из экспертов, перед которым топал ногами Игнатов. – Он не мог не выпачкаться в крови, когда тащил тело по участку. Характер ран убитых подразумевает огромную кровопотерю. Ее следы

были обнаружены и на дне могилы. Хочешь сказать, что Ардин не испачкался?

– А если он все отстирал? – настырничал Игнат Игнатов.

– Вот не зря тебя отец так назвал! – окончательно потерял терпение эксперт Володя. – Два Игната в тебе сидят! Один отвечает за упрямство, а второй за разум. Включи второго, Игнаша! Невозможно отстирать ткань подобной фактуры. Где-то, как-то, но следы крови останутся.

– Это не тот костюм? – задался вопросом майор, задирая глаза к потолку. И, прозревая, ответил сам себе: – Это же просто не тот костюм, Володя! У него их было два! В одном он убивал и прятал тела, а другой приготовил для нас!

Володя погрузился в раздумья и молчал минуты три. Потом с кроткой улыбкой проговорил:

– Ищи.

– Что? – не понял Игнат.

– Второй костюм ищи. Или настоящего убийцу.

– Не веришь, что это Ардин? – обиделся за свою версию Игнат. – А зря! Кстати, почему не веришь?

– Не верю, – покивал Володя и, осторожно поправив воротник белоснежного халата, проговорил: – Если бы он был таким умником, зачем светиться на камерах? Зачем менять костюмы? Зачем так подставляться, Игнаша? Все это, извини, лишено смысла. Он же не сумасшедший, чтобы забавляться и подставлять самого себя подобным образом?..

Сумасшедшим Ардин точно не был. Он был грамотным

перспективным юристом. Его год за годом пытались переманить конкуренты с той фирмы, где он проработал несколько лет. За дураком бы не гонялись.

И вот тут Игнатов понял, что в тупике он застрял прочно и надолго.

Когда вчера он доложил обо всем полковнику, тот молчал, переваривая информацию, минут пять. Потом вполголоса смачно выругался и глянул на Игната с раздражением.

– Что думаешь делать, майор?

– Для начала идентифицировать тела убитых. Характер ранений позволяет предполагать, что перед смертью они подвергались пыткам. А потом им просто ломали шею.

Полковник снова выругался.

– И как ты собираешься их идентифицировать?

– Три тела по образцам ДНК, формам челюстей, так как разложение сильное. Два тела сохранили даже отпечатки пальцев. Работаем, товарищ полковник. Но сами понимаете, что это не быстро.

О том, что он понимает, а чего не понимает майор, полковник выразился вполне конкретно и матом. Игнатова из кабинета погнал и велел работать...

Подцепив за пережаренный край кусок яичницы, Игнатов закинул ее в рот и захрустел, не переставая размышлять.

Если бы так оказалось, что у Ардина был двойник! Как бы это все в корне поменяло, а! Как бы сразу все стало логично и обоснованно!

Но полковник четко высказался по поводу близнеца Ардина. Четко и тоже матом.

– Сериалов посмотрелся, Игнатов? Какой двойник?! – Далее шел целый абзац из непечатных выражений. – Еще приплети незаконнорожденных детей, оставленных в младенчестве в детдоме! Тьфу, слушать тебя противно! Иди работай...

К хрусту пережаренного края яичницы добавилось что-то еще. Что-то более жесткое и точно несъедобное. Игнатов поморщился. Скорлупа! И когда он научится готовить? Сколько уже без жены? Год, полтора? Полтора. А элементарную вещь – яичницу – пожарить не может. Никчемный он.

Выплюнув то, что жевал, прямо в мусорное ведро и отправив туда же подгоревшие тосты, он решил, что позавтракает где-нибудь по соседству с домом. Вывесок было пруд пруди, на каждом доме. И хинкальные, и пирожковые. Имелись и суши-бары. И кофейни. Заходи и ешь. Тем более что сегодня у него выходной. Он мог не спешить и обойти их все, чтобы выбрать. А Ардина он сегодня навестит непременно. Хорошо, что его еще не перевезли в следственный изолятор. Очень хорошо.

Глава 5

Женя стояла голой и пристально рассматривала себя в зеркальной стене ванной. Освещение было великолепным. Холодный свет безжалостно обнажал крохотные пока морщинки в уголках глаз, легкую припухлость нижних век. И наметившуюся складку вокруг рта.

Скверно! Скверно выглядит для своих тридцати двух лет. Кожа лица тусклая. На животе наметился жирок. И талия увеличилась на целых два сантиметра. Это вообще никуда не годится. Эдак в маму свою превратится, набравшую за последний год лишних десять килограммов. Надо бы спортом заняться. В зал начать ходить, но нет ни сил, ни желания. И главный вопрос – для кого все это – совершенно не мотивирует.

После гибели мужа под колесами автомобиля два года назад у нее вообще не было отношений с мужчинами. От слова «совсем»! Так сейчас было модно говорить. Жене нравилось. Она повторяла. И не то чтобы она не хотела мужчину. Хотела, и еще как! Но все мужчины, которые пытались навязать ей свое общество, не шли ни в какое сравнение с ее Вадиком.

Нет, если от каждого взять какую-то часть, то Вадик бы ее вышел. Но, к сожалению, сделать это было невозможно. Клонировать погибшего мужа никто бы не смог.

– Женечка! – громко позвала мама и постучала в дверь ванной. – Завтрак на столе. Ты чего там застряла?

– Иду, – отозвалась Женя так же громко. – Уже иду.

Когда два года назад Женя, убитая горем, осталась одна в огромной столичной квартире, она сразу предложила маме переехать к ней. Хотя бы на время. Мама поначалу капризничала, не очень хотела срываться с обжитого места в пригороде Москвы. Знакомые, любимые соседи, хороший парк через дорогу.

Но потом она привыкла. Стала в доме дочери полновластной хозяйкой и о том, чтобы вернуться к себе, уже не мечтала. Женя иногда ругала себя за неосмотрительность. Лучше бы сама у мамы пережила тяжелое для себя время. Сейчас ей все чаще хотелось одиночества. Чтобы она могла прийти с работы и не слышать ничьего ворчания и вздохов. Чтобы могла привести к себе на ночь мужчину, если бы он у нее случился неожиданно.

Но как сказать об этом маме? Она обидится, расплачется, уедет и...

– Твои любимые. – Мама поставила перед ней тарелку с сырниками из обезжиренного творога. – Все, как тебе нравится. Несладкий джем. Кофе без сахара. Ты сегодня поздно? Что приготовить на ужин?

– Ничего. – Женя задумчиво жевала. – Буду очень поздно. Перекушу рядом с работой.

– Понятно.

Мама недовольно поджала губы, машинально вытирая стол вокруг ее тарелки. И вдруг, в сердцах бросив салфетку в центр стола, уселась напротив и сердито глянула.

– Зачем я тебе здесь, Женя? Я все время одна. Ты то на работе, то с подругами в ночном клубе. Мне скучно и одиноко. Это понятно?

– Мама, чем я могу тебе помочь?

Этот разговор назревал давно. Женя его ждала. Не знала, чем он может закончиться, поэтому слова решила взвешивать.

– Я не могу уволиться, – тихо обронила она, кроша вилок сырник на мелкие кусочки.

– Я понимаю.

– И с подругами не встречаться не могу. Это отдушина для меня.

Она намеренно пропустила слово «единственная», чтобы не обидеть маму. Мама же всерьез полагала, что одно ее присутствие способно Женю развлечь.

– Я понимаю. И еще я понимаю, дорогая, что в моем здесь присутствии отпала надобность. Только не обижайся, прошу тебя! – выставила ладони щитом мама. – Я давно хотела уехать к себе. И тайно езжу туда два раза в неделю. С подругами тоже встречаюсь, по парку гуляю. Женечка, дорогая, я скучаю по своему дому. Прости...

– Все нормально, мам. Я в самом деле редко бываю дома. Ты скучаешь. Превратилась в мою прислугу. Убираешь, го-

товись, гладишь. У тебя до переезда была своя интересная жизнь. А я все испортила!

И Женя неожиданно расплакалась.

Вот вам и здрасте! Сама не знала, как с мамой разговор начать, чтобы та отправлялась уже к себе. А стоило маме разговор об этом завести, как почувствовала тоску и сожаление.

– Женечка, детка, ну ты чего? – растерялась мама. – Ну если не хочешь, я... Я еще поживу у тебя какое-то время.

– Еще два года? – улыбнулась ей Женя, вытирая слезы. – Нет уж. Твой Михалыч там без тебя уже наверняка с ума сходит.

Степан Михайлович был маминым соседом и другом уже много лет. Много раз делал маме предложение съехаться. Много раз получал отказ. Но не смирился и попытки периодически повторял. А заодно мамины цветы поливал все эти два года. И ее рыбок в большом аквариуме кормил.

– Все там без меня с ума сходят, – весело рассмеялась мама, потрепав ее по руке. – Все скучают. А ты, дорогая... Тебе пора личную жизнь налаживать. Два года, как Вадика не стало. Все положенные сроки траура ты прожила. Хватит. Ищи себе мужчину!

Легко сказать – ищи. Они строем на дороге не стоят. И к ногам ее не падают.

– Ты присмотрись к тем, кто рядом. Нередко это и есть тот самый случай.

Мама убрала посуду со стола. Поцеловала Женю в макуш-

ку. Ритуал у них такой был утренний.

– Я пошла одеваться. – Женя направилась к выходу с кухни. – Вечером помогу тебе собраться. Постараюсь освободиться пораньше. Посидим напоследок.

– Не спеши, дорогая. Вещи я уже собрала. Уезжаю через час. Степа за мной приедет, – смущаясь, призналась мама. – Лучше так вот: без посиделок и соплей. А ты присмотрись, присмотрись к тем, кто рядом...

Рядом не имелось никого. Соседи-мужчины были либо семейными, либо очень молодыми, либо некрасивыми. Да и заводить знакомства она не очень умела. Даже в ночных клубах, куда они с подругами время от времени ходили, Женя скучала за столиком, пока девчонки отрывались.

Рабочий день прошел спокойно. Не случилось никаких авралов. Ее рабочее место в регистратуре районной поликлиники сегодня словно обходили стороной проблемные истории. А они иногда случались, да. С нервными пациентами, потерявшими карточки. С необязательными докторами, сунувшими результаты анализов не в ту ячейку.

– Женька, что вечером делаешь? – позвонила одна из подруг ближе к концу рабочего дня.

– Ничего, ты не поверишь!

– Может, сходим куда-нибудь? У меня есть парочка холостых знакомых, которые...

Идти посреди недели ей точно никуда не хотелось. Поэтому она пригласила всех к себе.

– А как же Анна Сергеевна? – удивилась подруга. – Она против не будет?

– Мама сегодня съехала. Устала меня ждать. Так что я с этого дня живу одна.

– Вау! Классно! Все, мы с мальчиками у тебя в семь.

– Что за мальчики?

– Увидишь, – загадочно хохотнула подруга Оля и оборвала разговор.

Мальчикам, что вошли в ее квартиру вместе с Олей в половине восьмого вечера, было хорошо за сорок. Один из них, звавшийся Максом, был еще ничего так: высокий, темноволосый, голубоглазый, улыбчивый. С небольшим животиком, но это его нисколько не портило. Разумеется, Оля его тут же захватила. А для нее припасла Олега – седого, угрюмого, коренастого, со шрамом возле левого уха. Шрам был ужасным, рваным, заворачивал от уха к затылку.

– Боевое ранение? – сразу, как медик, догадалась Женя. – Авария или горячие точки?

– Да так. Было одно дело, – неохотно ответил он, прищурив в ее сторону черные глаза. – Вы в этом смыслите?

– Я медсестра, – коротко ответила Женя.

Олег ей совсем не понравился. Ему, кажется, она тоже не пришлась по вкусу. И вообще, его все раздражало. То мясо жесткое. То вино кислое. То чай горячий. То торт сладкий. Он всем был недоволен. И никаких комплиментов в адрес девочек. Ухмылялся просто, когда его друг Макс сыпал ими

направо и налево.

– Одна живете, Женя? – неожиданно проявил он интерес, когда Оля с Максом вышли на балкон покурить.

– Да, – ответила она коротко. – Мама навещает, живет иногда.

– Просторная квартира. На большую семью. Почему одна?

– Муж погиб.

– Служил в горячих точках? – потрогал он неожиданно свой шрам.

– С чего вы решили? – удивилась она, убирая посуду со стола.

– Фото видел на шкафу в комнате.

Когда он побывал в гостиной, она понятия не имела. Вроде все время был на виду. Может, в тот момент, когда она выходила в туалет? Ей сделалось очень неприятно, что в ее минутное отсутствие кто-то ходит по ее квартире, рассматривает семейные фотографии, вставленные в рамочки.

– Нет. Он не бывал в горячих точках. Он служил по контракту. Это фото армейское. На нем Вадик со своими друзьями.

– Да? – Черные глаза Олега округлились. – Сколько ему там лет? Не восемнадцать точно.

– Он отучился в университете. Потом уже пошел служить. Остался по контракту.

Женя поймала себя на мысли, что будто оправдывается. Перед человеком, которого еще два часа назад не знала. За-

чем?

– Так как ваш муж погиб? – не отставал неприятный гость.

– А вам-то что? К чему все эти вопросы?

Поправив воротник блузки, он как будто душил ее, Женя неожиданно встала у двери в кухню и вежливо попросила всех на выход. Извинилась и соврала, что завтра ей рано вставать. Оля попыталась возмутиться, но, наткнувшись на ее сердитый взгляд, тут же язык прикусила и потащила мужчин в прихожую. Она шутила и балагурила, предлагала продолжить вечер в ресторане неподалеку. Мужчины будто не были против.

Выпроводив гостей, Женя подождала полминуты и тихо приоткрыла дверь.

– Чего ты к ней пристал, Олег? – сердитым голосом отчитывала своего приятеля Оля от шахты лифта, расположенной за выступом стены. – Она очень любила Вадика. До сих пор по нему горюет.

Женя тепло улыбнулась. Оля была права.

– Я просто спросил, как он погиб, и все. Она сказала – погиб. Я и подумал, что где-то, где я побывал, – ответил Олег миролюбиво. – А она завелась. Выгнала!

– Он погиб под колесами автомобиля почти рядом с домом, – ответила ему Оля. – И ей, может быть, просто было неприятно, что ты ходил в ее гостиную и рассматривал фотографии. Кстати, зачем?

Что ответил Олег, Женя не услышала. Подъехал лифт.

Компания в него загрузилась и укатила вниз. Заперев дверь сразу на все замки и пройдя по комнатам, она загрустила.

Все же рано мама съехала, пожила бы еще у нее. Кстати, не мешало бы ей позвонить.

Мама долго не отвечала, Женя даже встревожилась. Но оказалось, что зря. В квартире звучала красивая музыка, говорили люди.

– У тебя гости, мам?

– Нет, не у меня. Это у Степана Михайловича. Он нас всех собрал в связи с моим возвращением. Мы ужинаем, пьем лимонад, танцуем, вспоминаем молодость. Так хорошо, Женечка! – Мамин голос звучал счастливо и молодо. – А у тебя что? У тебя все хорошо?

– Да. Все отлично. Оля была в гостях. Привела двух мужчин. Один был с ней, второй, надо думать, мне предназначался. Но... – Женя встала напротив шкафа, на полке которого стояла та самая армейская фотография Вадика. – Но он мне не понравился.

– Нехорош собой?

– И это тоже. А еще он много вопросов задавал о Вадике. Где служил? Как погиб? Неприятный тип, скажу я тебе. Я, конечно же, ничего ему не рассказала. Оля постаралась.

– Ох уж эта Оля, – отозвалась мама ворчливо. – Никогда она мне не нравилась. И надо же, как она все вовремя подстроила! Стоило мне съехать, как она тут же мужиков к тебе в дом привела. Следила, что ли, за тобой?

Женя тут же маму успокоила. Оля не знала. Она хотела утащить Женю куда-нибудь поужинать. Женя сама предложила поужинать у нее.

– Все равно, будь с ней осторожнее, дорогая. Вечно возле нее крутятся какие-то сомнительные типы. И надо же, как она вдруг вовремя позвонила! – все еще не могла поверить в совпадение мама. – Стоило мне съехать, как она тут как тут. Она же тебе звонит раз в год. А тут вдруг...

Через пару минут они пожелали друг другу спокойной ночи и отключились.

Женя приняла ванну, еще раз проверила все замки на дверях и окнах. И отправилась спать. Ворочаясь на накрахмаленных мамой простынях, она не могла отделаться от ощущения, что какая-то доля правды в маминых словах имеется.

Оля редко звонила ей сама. Тут вдруг позвонила, и в тот самый день, когда мама уехала. Не странно ли? Странно. Могла Оля за ней следить? Или случайно узнала, что Женя одна? Есть над чем задуматься.

Вокруг Оли действительно постоянно крутились какие-то странные типы мужского пола. Тут с мамой нельзя было не согласиться. И если прежде Женю не особенно заботило, с кем именно Оля является в ночной клуб, то сегодня...

– Будь внимательнее и собраннее, Женя, – прошептала она утром, стоя возле фотографии Вадика.

Так он всегда напутствовал ее, если уезжал куда-то надолго. Эти слова она почти каждый день повторяла как мантру,

стоя напротив его портрета.

Ее учил, а сам не сберег себя. Погиб почти во дворе дома. Точнее, за углом. Сбивший его водитель скрылся на своем автомобиле. Его так и не нашли. Камер видеонаблюдения на той улице не было. Отследить ничего не вышло.

И ее Вадик так и остался неотмщенным. Кстати...

Выходя из подъезда своего дома, Женя набрала номер служебного телефона того самого следователя, который вел это дело. Неожиданно ответила девушка, которая долго не могла понять, чего Женя от нее хочет.

– Два года назад? Серьезно? – будто даже развеселилась девушка. – Я тогда еще даже и не работала здесь.

– Поэтому я и звоню Олегу Комарову, а не вам.

– Олег Комаров уволился. Я пришла на его место.

– Давно уволился? – Женя разочарованно выдохнула, забираясь в свою машину. – Он же обещал, что будет сообщать мне обо всем. О ходе следствия и...

– Послушайте, вам бы стоило приехать сюда, – предложила вдруг девушка, занявшая место Комарова. – По телефону такие вопросы не решаются. Мы поднимем дело о гибели вашего мужа и посмотрим...

– Хорошо. Я еду.

– Прямо сейчас? – растерялась девушка.

– Да. Я еду к вам. И надеюсь получить ответы на свои вопросы. Их за два года скопилось множество.

Глава 6

Ардина выпустили под подписку о невыезде. Более держать его в камере было невозможно. Следовало либо отпустить, либо предъявлять ему обвинение, а его предъявлять было не за что. Оснований не имелось. Доказательств тоже.

– Ты чего, Игнат? – возмутилась знакомая судья, которой он позвонил, чтобы проконсультироваться. – У тебя там какой-то театр абсурда разыгрался, и ты хочешь, не имея веских оснований, нашу систему туда вовлечь. Ищи доказательства...

А где их искать? Улик полное ведро, как любил говорить Волошин, и все они взмыли мыльными пузырями, тут же полопавшись.

– У вас нет доказательств моей вины, – твердо глядя ему в глаза, проговорил Ардин на вчерашнем допросе. – Все, что у вас имеется, сфабриковано против меня.

– Кем? – Игнатов решил быть терпеливым, не хамить, «не гнуть» подозреваемого.

– Тем, кто все это совершил, – ответил Ардин. – Убийцей. Тем, кто проживал со мной по соседству.

– То есть вы хотите сказать, что убийцей является Мария Марковна Говорова?

– Возможно.

– Вот, вы же сами сомневаетесь, гражданин Ардин. И по-

нимаете своим просвещенным умом, что не смогла бы восьмидесятилетняя женщина совершить подобное. А именно: обездвиживать мужчин крепкого телосложения. Пытать их, а затем ломать им хребты. Вы же служили, знаете, что этот захват требует достаточной физической силы.

Подумав, Ардин согласно кивнул.

– А также не смогла бы восьмидесятилетняя старуха вырыть за ночь яму, протащить по участку тело, весившее от восьмидесяти до ста килограммов, сбросить его в яму. А затем зарыть его. И место захоронения заложить дерном. Это под силу только крепкому здоровому мужчине. – Игнатов выдержал положенную паузу и закончил: – Как вы, к примеру.

Ардин тут же вскинулся и заново принялся отрицать свою причастность. А также нести какой-то вздор про то, как старуха на его глазах пользовалась ручным эспандером.

– Она могла просто лечить старческий полиартрит подобным образом, – ухмыльнулся Игнатов. – Но уж точно не раскачала бы кисти до такой степени, чтобы сломать шею здоровому крепкому мужчине.

– Вы выяснили, что с ней? Куда она подевалась? Чья кровь была на стенах? Откуда звонили участковому? Кто мог слышать крики о помощи? – Ардин нервно поводил шеей и вдруг со злым вызовом поинтересовался: – Или у вас не было на это времени? Или желания? Подозреваемый в камере, зачем огород городить, так?

Почти так.

Старуху нигде не нашли. Ее отпечатков пальцев в доме тоже обнаружено не было. И ничьих вообще. Эксперты сделали вывод, что тот, кто уничтожал следы своего пребывания в доме, уничтожил и ее следы тоже. Это вполне логично.

О криках в доме...

На служебный телефон участкового звонили с таксофона на въезде в коттеджный поселок. Камер там никаких не было. Определить, кто звонил, не представилось возможным.

Кровь на стенах холла в доме была третьей положительной группы, принадлежала женщине. Возрастной женщине. По этой причине не приходилось сомневаться в том, что это кровь Говоровой, исчезнувшей в неизвестном направлении.

– И закопать ее не успели бы, если рассчитать промежуток времени от ее криков до визита участкового. Прошло чуть более получаса. И, опережая ваш вопрос, скажу... кровь на стенах холла тоже не была недельной. Брызгам было не более пяти часов. Такое заключение сделали наши эксперты.

– Объявите ее в розыск, – подсказал Ардин, прощаясь с майором Игнатовым на пороге допросной.

Умник!

– Уже объявили, – все же сделал одолжение, сказал правду майор. – Нигде никаких следов.

– Скоро выплата пенсии, – напомнил грамотный юрист. – Она не может ее не получить. На что-то ей жить надо.

– Если она еще живет, – фыркнул в ответ Игнатов.

– А ее документы? Вы обнаружили их при обыске?

Игнатов лишь отрицательно мотнул головой.

– Похоже на бегство. Не находите? – Вдохновленный представившейся свободой, Ардин вдруг перестал торопиться, шел следом и не отставал от майора ни на шаг. – Свои документы она забрала, удирая. А фальшивку на дом с моим именем оставила. Похоже на бегство...

Или тот, кто убил старуху, решил обставить все таким образом.

– А как давно числится за ней этот дом? – не терял интереса Ардин, дойдя с Игнатовым до двери его кабинета. – Когда я въехал в свой дом, она уже там жила. И все время что-то перестраивала. Я всегда задавался вопросом: откуда у этой женщины столько денег?

– Задавались, задавались вопросом да и решили ее ограбить, – глянул на него сердито Игнат.

Он взялся за дверную ручку и, не оборачиваясь на подозреваемого, а он его по-прежнему подозревал, скупно процедил:

– Из города не уезжайте.

Ардин ушел. А Игнатов, встав у доски с фотографиями фигурантов и жертв, задумался на целых полчаса.

– Мне ничего не идет в голову, Иван Васильевич, – признался он старшему товарищу, ушедшему в запас. – Все указывает на Ардина, но у него алиби!

– Приезжай ко мне, Игнат. Поговорим. Я вчера рыбы на-

ловил, уши наварим. Еще и на жареху останется. Жена котлетки куриные затеяла, а они у нее знатные. Приезжай. Помнишь, куда ехать?

Помнил. Конечно, он помнил, в каком пригороде Волошин купил себе к пенсии маленький домик. Жена Волошина поначалу ворчала, что Ваня спустил все накопленные к старости деньги на страшную развалюху с печным отоплением и туалетом на улице. Но при этом она с удовольствием ставила шезлонг на берегу маленького прудика, расположенного на их участке. Осенью радовалась урожаю в яблоневом саду. А по весне звала всех соседей на пироги. И субботние чаепития на крытой веранде в саду походили на семейные праздники. С угощением, ароматным чаем, песнями под гитару. Игнату тоже доводилось там бывать. Воспоминания потом долго ласкали его напряженную нервную систему.

– А приеду, – пообещал он. – Сегодня после работы и приеду сразу. Дома меня никто не ждет. И...

Закончить, что вечерами его иногда одолевала страшная тоска, он не решился. А то вздумает его Волошин жалеть и невесту ему присматривать.

– Жду, Игнаша. И баньку истоплю. Я тут ее перестроил. Вполне себе стало обитаемо.

Перестроил Волошин не только баньку. Еще провел в дом воду, газ, канализацию. И почти переехал сюда с женой из городской квартиры. Пока Игнат осматривал все и удивлялся, жена Волошина поставила на стол на крытой веранде лег-

кие закуски.

– После бани ужинать будем. Сейчас перекусите.

О делах в бане поговорить не удалось. Пока парились, хлебали друг друга вениками, все старое вспоминали. Смеялись над комичными случаями, поминали ушедших товарищей. К делу, из-за которого и приехал в гости Игнат, перешли уже за ужином.

– Ну рассказывай, – потребовал Волошин, опрокинув рюмку вишневой наливки. – Жаль, что не выпьешь со мной. Знатная наливочка. Сам делал...

Игнат замотал головой. Он решил вернуться ночевать в город, в свою квартиру. Неуютно вдруг ему сделалось среди налаженного хозяйства Волошина. Жена хлопчет, вкусную еду подставляет. Лишним себя ощутил.

У него завтра наутро все привычно, все по плану: пережаренная яичница, подгоревшие тосты и жидкий кофе.

– Улик полное ведро, а толку никакого, – задумчиво проговорил Волошин, выслушав Игната. – Н-да... Скажу я тебе – задачка.

– Вера Степановна назвала это дело театром абсурда!

– Вера? Все работает? Сколько же ей лет? Мне ровесница. Молодец, – отвлекся на минуту Волошин. И тут же поддакнул: – Действительно театр абсурда.

Они замолчали. Жена Ивана Васильевича как раз принесла куриные котлетки. Горячие, только со сковороды. Игнатов даже пузырьки лопающегося масла на них рассмотрел.

Или показалось...

— Мне единственное что приходит в голову... — пристально посмотрел на него Волошин, когда его жена снова скрылась в доме. — Что в доме старухи жил кто-то еще. Для всех он оставался незаметен. Попросту прятался в доме. Этот кто-то по какой-то неведомой причине убивал людей. Это вполне мог быть психически неуравновешенный человек. Маньяк! А старуха ему приходилась родственницей. Убийца хоронил жертв на ее участке, активно при этом подставляя соседа.

— Так соседа в вечера похорон не бывало в городе. Алиби у него железное.

— Они же об этом не знали. Его просто не было дома. Он же не гулял с чемоданом по двору, нет?

— Нет. Он вещи клал в багажник и выезжал всегда из гаража на своей машине. Лишь в последний раз его забирали офисная машина, отвозила в аэропорт. Заметить его сборы было невозможно с улицы, — ответил Игнат, пережевывая котлету. И тут же добавил: — Так он утверждает. Ни опровергнуть, ни доказать его показания невозможно.

— Не циклись. Будем считать, что Ардин не врет. И что в итоге? Выходит, убийца не знал, в городе сосед или нет. И...

Волошин неожиданно умолк и минуту-другую рассматривал рубиновую жидкость в своей рюмке. Потом досадливо крякнул:

— Опять незадача, Игнаша. Убийца не мог так рисковать. Он точно знал, что соседа нет в городе. И что он посреди

ночи не выйдет во двор и не задастся вопросом, а что там на соседнем участке происходит, кому яму роют? Незадача...

Волошин опрокинул вторую рюмку наливки, схватил котлету пальцами за румяный бок, откусил половину.

– Итак... Убийца знал, что Ардина нет в городе, но все равно рядился под него. Зачем, спросишь ты? А я тебе отвечу! – Волошин глянул на него просветленными глазами. – Чтобы запутать следствие. Замести следы. Оттянуть время. Поселился бы так кто-то еще, а не Ардин, то и его бы подставили. Время у них было... Было время... Сколько его, говоришь, прошло с тех пор, как Ардин поселился рядом со старухой?

– Два года он там прожил. Первые жертвы были убиты чуть меньше года назад. Последнему убийству примерно два месяца.

– Во-от! Целый год к Ардину присматривались. Целились в него. Лепили подставу. Почему старухи нигде нет на записях? Как так, спросишь ты? А я тебе отвечу, Игнаша! – И еще одна рюмка была им выпита. – Не все так просто с этой бабкой! С ней и с ее сообщником. Его ведь тоже нет на записях?

– Нет, – мотнул Игнат головой.

– Идем дальше, Игнаша. – Волошин разложил на столе пять мелких помидоров, стащив их с овощного блюда. – Что известно о жертвах? Их личности установлены?

– Двое из пяти идентифицированы. Нет судимостей либо

приводов. Числились в пропавших без вести. Родственники опознали их по одежде. Анализ ДНК подтвердил их родство. Один из Самары. Работал в Москве охранником, на хорошем счету был, но однажды не вышел на работу. А потом и вовсе пропал. Вторым оказался его коллега по охранному предприятию. Но они никогда не пересекались. Трудились в разные смены и на разных объектах. Второй из Тверской области, – уточнил Игнат. – Трое остальных пока что...

– Понял. – Волошин потер отросшую за день щетину на подбородке. – Охранное предприятие, говоришь... А что, если трое остальных тоже из этой конторы?

– Нет. Проверили.

– А другие охранные предприятия? У них никто не исчезал внезапно?

– Иван Васильевич, знаете, сколько по Москве охранных контор? – глянул на него с укором Игнат. – Какие ресурсы надо иметь, чтобы их все проверить за такой короткий срок!

– А ты посади себе в кабинет какую-нибудь толковую практикантку. Она за компьютером быстро тебе все отыщет. Они – молодые – сейчас такие продвинутые. Вот и пусть она все охранные конторы отыщет, где в течение года могли исчезнуть сотрудники. И это, Игнаша... – Волошин ткнул вилкой в котлету. – Ты ешь уже! Супруга старалась. Котлетки невозможно вкусные. И... все же проверь еще раз: как и где могли пересечься эти двое.

– Проверили. Нигде и никак.

Игнат послушно жевал котлету.

– А ты еще раз проверь. Копни поглубже. В их прошлое залезь. Может, они служили вместе. Или учились где-нибудь. Или вместе на вокзале поезд ждали и ехали потом в одном купе. Рой до шахтеров, коллега!..

Домой Игнат приехал хорошо за полночь. Всю дорогу улыбался, вспоминая захмелевшего Волошина. Тот все же принялся его сватать к своей разведенной соседке. Та как будто бы случайно заглянула к Волошиным на огонек. И не с пустыми руками, а с яблочным пирогом. Огромный кусок Игнат увозил домой. Все настаивали. Особенно Волошин.

– Хватит тебе уже горелыми тостами давиться, – шептал он ему на ухо, провожая до машины. – Когда ты уже выбросишь этот дурацкий тостер?

Пирог, упакованный сначала в фольгу, а потом в целлофановый мешочек, дразнил его ароматом всю дорогу. И стоило Игнату войти в квартиру, как он тут же упаковку с пирога содрал и принялся откусывать от большого куска прямо в прихожей. Контейнер с куриными котлетками он поставил в холодильник. Хватит обжорства!

Пока ел пирог и запивал его водой из бутылки, составлял себе план работ на завтра.

Проверить все охранные агентства города на предмет пропавших сотрудников – раз.

Еще раз внимательно проверить возможные связи двух установленных жертв. Копнуть поглубже – два.

Навестить родственников Говоровой – три.

С последним, правда, незадача. Предпоследнее место прописки Говоровой было в глухой деревне где-то под Барнаулом. Сколько ни пытался дозвониться Игнат до тамошнего сельского совета – бесполезно. Самому лететь туда ему полковник не позволил.

– Найди кого-нибудь, привлеки, – бубнил он, сердито глядя на Игната. – Мне учить тебя?

– У меня в отделе никого не осталось, товарищ полковник. Алла Ивановна ушла в декрет. Гарик в отпуске.

– Отзови, – посоветовал полковник.

– Не могу. Он за границей отдыхает.

– Так посади себе в отдел практикантку какую-нибудь, – повторил в точности совет Волошина полковник. И добавил: – Они сейчас такие продвинутые! Она вмиг тебе родственников Говоровой отыщет. И лететь никуда не надо будет.

Глава 7

Ей вовсе нечего было делать в отделе Игната Игнатов. Он многим казался противным нудным парнем, если сорокапятилетнего мужчину еще можно так назвать. Они пересекались как-то по службе. Он считался нудным и прежде, а после того, как от него ушла жена, по слухам, превратился в настоящую занозу в пятой точке.

Поправляя перед зеркалом воротник белоснежной рубашки, Кира улыбнулась себе – мило и ласково. Она любила себя, да. Свою неординарность. Яркую внешность. И привычку говорить так, как никто сейчас не разговаривал, тоже.

– Мне вовсе нечего делать в его отделе, папа, – произнесла она вчера в телефонную трубку с некоторым неудовольствием.

– Вот знаешь, как это сейчас прозвучало, Кира? Знаешь? – забухтел сразу отец и передразнил: – «Мне вовсе нечего делать в его отделе, сударь». Ты бросай все эти старомодные штучки, дорогая. Разговариваешь, как барышня тургеневская, понимаешь.

– Это преступно? – вскинула она брови, облизывая ложечку от варенья.

– Это неуместно!

– Мне надо изъясняться матерно, папа?

– О господи! Прекрати, Кира! Просто завтра выйди в от-

дел Игнатова. Временно! Он там зашивается. Дело такое скверное ему досталось. А толковых никого рядом.

– Мои интуитивные способности его всегда только раздражали, – напомнила Кира, зачерпнула ложечкой еще варенья и отправила в рот. – Я про тот инцидент не помню какой давности, папа. Игнатов даже рапорт хотел писать на увольнение, лишь бы меня не видеть.

– Столько лет прошло, а ты все помнишь, – озадаченно хмыкнул отец.

– Так был «шкандаль», папа, – сделала Кира ударение на последнем слогe. – Он зачем-то присовокупил к нему интересы своей супруги. Что-то бормотал о ревности. Много бормотал, папа!

– Жена сбежала от него за границу, – напомнил отец. – И ревновала она не напрасно. Вы берега попутали с Игнатовым. Заигрывали в открытую. Даже никого не стеснялись.

– Не было никакого флирта, папа! – И снова она сделала ударение на последнем слогe. – Просто некоторым косным сотрудникам нашего ведомства нормальное общение коллег – мужчины и женщины – заведомо кажется флиртом.

– Вот тогда завтра выйдешь в его отдел и нормально с ним пообщаешься какое-то время, – не терпящим возражений тоном проговорил отец.

– И как, простите, товарищ полковник, долго я должна буду с ним общаться?

– Пока дело не будет раскрыто, майор...

Кира заправила белоснежную рубашку в строгую юбку до колена. Вернее, она могла бы считаться строгой, если бы не была такой узкой, почти тесной. Сунула ступни в черные туфельки на низком каблуке – дорогие и стильные. Перекинула через руку ручку сумки, затем черный тренч – плащ по-папиному. И, напоследок еще раз себе улыбнувшись в зеркало, вышла из квартиры.

Если честно, она была рада предложению отца.

Все последнее время ее одолевала страшная скука. По службе рутина. Дома тишина и одиночество. В кругу друзей ничего нового. Те же лица. Те же разговоры. Отношения с ее парнем, который утомился делать ей предложение руки и сердца и отстал наконец, тоже зашли в тупик. Она даже отпуск не стала брать летом и не поехала с ним никуда из опасения, что и на отдыхе заскучает и примется зевать уже на третий день. А ее зевота его всегда выводила из себя.

Новое дело, о котором вскользь упомянул отец, будоражило ее воображение. Что там такого, что Игнатов не смог справиться? Он же опытный следователь. Он преступника чувствовал как брата родного, мог разговорить элементарно. Что с этим делом не так? Или Игнатов потерял хватку?

И с Игнатовым она не прочь поработать. Когда вчера она принялась ныть в разговоре с отцом, она лукавила. Да, Игнатов зануда, но очень умный и грамотный. И расстались они в прошлый раз нехорошо. Осталась какая-то недосказанность. Это волновало Киру и вносило в ее жизнь хоть какое-то раз-

нообразие. А то ведь сплошная скука и рутина.

Она подъехала к любимой кофейне. Вышла из машины и неторопливо прошла внутрь. Все столики были заняты. Она не расстроилась. Взяла кофе и любимое меренговое пирожное с собой. Красивую упаковку поставила на соседнее сиденье. И всю дорогу до работы ласкала ее взглядом, предвкушая неторопливый завтрак.

Выйдя из машины, Кира повторила утренние действия. На согнутую в локте руку повесила сумочку, сверху сложенный пополам тренч. В другую руку взяла упаковку с кофе и пирожным и пошла ко входу.

Отдел Игнатова находился на первом этаже окнами во двор, где не без помощи их ведомственного психолога было оборудовано место для отдыха. Под навесом длинная столешница из искусственного камня, на ней кофейная машина. Вдоль шершавой стены набор посуды, кофе и чай в банках, запас сахара. Высаженный буквой «п» кустарник огораживал четыре скамейки и небольшой фонтан в центре. Сколько себя помнила Кира, фонтан не работал, оставался всегда сухим. И можно было демонтировать бетонную чашу с резными краями. И поставить какой-нибудь стол, к примеру. Но стола не было, а чаша оставалась на своем месте.

Не так важен этот фонтан. Место для отдыха выбрано правильно. Там никогда нет ветра. И если небеса не закрыты тучами, площадка для отдыха всегда купается в солнечных лучах. И странно, в летний зной там не бывает жарко.

Размечтавшись, что сейчас выйдет туда со стаканом своего любимого кофе и пирожным, Кира потянула на себя дверь кабинета Игнатова.

– Доброе утро! – улыбнулась она остолбеневшему майору, входя внутрь и неловко закрывая за собой дверь.

Поставила на пустующий стол упаковку из кофейни. Повернулась спиной к Игнатову, открывая шкаф для одежды. Плечики были только одни. Пустовали. Она повесила на них свой тренч. Повернулась с улыбкой к Игнатову. Он все еще пребывал в немом шоке. На столе перед ним лежала смятая фольга и раскрошившийся кусок какой-то выпечки. И стакан с водой.

Почему вода?

Она тут же вспомнила. Игнатову врачи запретили кофе. Что-то не так у него с сосудами.

– Я иду пить кофе туда, – кивком указала она на окно. – Можете присоединиться. Обсудим дело. И да... Прежде, чем вы зададите мне вопрос: какого черта я здесь делаю? Это приказ высшего руководства. Точнее, моего папеньки. С чего-то они решили-с, что я могу быть вам в помощь в каком-то очень сложном запутанном деле.

– Почему ты?

Он и прежде ей всегда тыкал. Она – нет. Всегда только «вы». Даже после неосторожного внезапного поцелуя.

– Таково волеизъявление высших сил.

Она подняла взгляд к потолку. Лампочка, мотавшаяся на

шнуре несколько лет назад, исчезла. Ее место заняли современные светильники. Хорошо...

– Так вы идете?

И, подхватив со стола упаковку из кофейни, Кира вышла из кабинета.

Она уселась на самой дальней скамье. Достала кофе и пирожное. И решила начать считать. Обычно Игнатов выходил по ее приглашению на семьдесят третьей секунде. Реже на второй минуте. Это если она провинилась, а он гневался. А потом нудно ей выговаривал.

Сегодня он вышел через тридцать пять секунд. Сел на скамью напротив. Осмотрел ее всю. От стильных туфель до замечательной скромной прически, над которой она колдовала все утро. Надо отметить, что смотрел равнодушно. Он трупы на местах происшествия осматривал с большим интересом.

Но ее не задело. Это же Игнатов. Он всегда такой. За годы ничего не поменялось.

Взгляд он отвел через десять секунд.

– Твой отец считает, что ты способна разгадать эту загадку? – спросил он у бетонной чаши фонтана, ни разу не видевший воды. – Ну что же... Ему виднее. Может, что-то и выйдет из нашего с тобой сотрудничества. Что-то помимо скандала.

– Почему сразу скандал? – поинтересовалась Кира, осторожно колупая маленькой пластиковой вилочкой пирожное. – Кажется, в прошлый раз мы вполне удачно...

– Нет и не было никакого «мы», майор. И скандал имелся в виду другого свойства. Ты сама по себе женщина-скандал, Кира. Вот как ты вырядилась для первого со мной рабочего дня? – Он уперся локтями в колени, чуть подаваясь вперед и снова глядя на нее пристально и равнодушно. – Дорогие туфли, узкая юбка, блузка в обтяжку. А прическа? У какого парикмахера ты ее делала утром? Кого так рано подняла с постели?

– Прическа – мое исполнение. – Она не подала виду, что удивлена его пронизательностью.

– Отличная прическа, но... – Он изобразил губами самую скверную, самую кислую из своих ухмылок. – Но не стоило так напрягаться. Итак, о деле...

Ему хватило пяти минут, чтобы рассказать обо всем. Потом еще минута ушла на рекомендации Волошина. И тридцать секунд на то, чтобы озвучить собственные соображения.

– Ардин? Почему Ардин преступник? – удивленно заморгала Кира, внимательно оглядывая Игнатова.

А он сдал. Изрядно сдал за те годы, что они не виделись. И дело не в том, что он постарел, нет. Возрастных изменений она не заметила. Никаких мешков под глазами, Игнатов всегда придерживался режима и почти не пил спиртного. Морщин тоже не было. Так, маленькие мимические штрихи в уголках глаз. Он не растолстел, даже похудел, кажется. Не казался сутулым. Видимо, поработал над осанкой. Раньше у

него имелась привычка сутулиться. Он просто как-то...

Посерел, что ли. Словно кто-то стер с него молодцеватый лоск, которым он мог похвастаться прежде. И в одежде присутствует больше серого. Раньше он любил светлые рубашки и брюки контрастного цвета. Сейчас же на нем серые джинсы, темно-серая рубашка с длинным рукавом, кроссовки тоже серые.

Ужас!

– Насмотрелась? – впился в нее глазами Игнатов. – О деле будешь думать, Кира Владиславовна?

– Так почему вы считаете Ардина убийцей? У него же алиби. – Она пропустила его вопрос мимо ушей, но ее укололо, что он заметил, как она его рассматривает.

– Все улики против него, – подергал плечами Игнатов, откинувшись на спинку скамьи и вытягивая ноги. – Все началось год назад, когда Ардин уже проживал по соседству с Говоровой. Не годом раньше, не годом позже. Год назад.

– И что такого примечательного в жизни Ардина случилось год назад? – Кира доела пирожное и допивала теперь кофе. – Что явилось триггером? Почему он начал убивать охранников и хоронить их на соседнем участке?

– Охранников пока двое. Личности остальных погибших не удалось установить.

– И тем не менее... Почему именно тогда? Он расстался с девушкой и ему снесло крышу? По работе у него вдруг что-то пошло не так? Он кого-то случайно сбил на машине или

убил по неосторожности, спрятал тело и кто-то увидел и начал его шантажировать? Возможно, что увидели его сразу несколько человек. Группа охранников, к примеру, отдыхала где-то за городом. На рыбалке. И что-то такое увидели все вместе. И по очереди принялись его шантажировать. И он их по очереди начал убивать. Пришел с шантажом – умри!

– Почему именно так? – Его лоб пошел морщинами. – С чего вдруг ты об этом заговорила? Уже что-то накопала, Кира?

– Товарищ майор, мой отец никак не прокомментировал вчера мой сегодняшний перевод к вам в отдел. Просто сказал, что вы в одиночестве зашиваетесь. Вам нужен помощник. Толковый. Я, как и он, себя считаю именно такой – толковой. – Она села прямо, выгнув слегка спину. – Все подробности дела я узнала сейчас, от вас. И просто рассуждаю. Строю версии.

Он подумал и неожиданно улыбнулся. И стал прежним – симпатичным парнем с яркой внешностью и харизмой, которой хватило бы на троих. И даже его серые одежды не смогли этого испортить.

– Это хорошо, Кира. Хорошо, что полковник тебя перевел ко мне. Идем в кабинет. Там продолжим...

Глава 8

В прошлый раз, после телефонного разговора с девушкой, заменившей на посту Олега Комарова, Женя так и не смогла к ней попасть. Ее остановил срочный вызов на работу. Не вышла ее сменщица. У той заболел ребенок. Женя позвонила девушке из полиции еще раз, извинилась, и они перенесли встречу.

– Это вам надо, – недовольно обронила девушка на прощание.

Возмущаться было глупо. Это действительно надо было больше Жене, чем молодой сотруднице, сменившей Олега Комарова в отделе по расследованию дорожных происшествий. Или как он там правильно назывался? Женя не особенно вникала.

Правда, дело потом переквалифицировали в несчастный случай. Именно по этой причине убийца Вадика – а Женья считала водителя именно убийцей – до сих пор не был найден. Комаров всячески отмахивался от нее. Назначал ей встречи. Потом отменял их. Ссылался на разного рода причины, по которым найти нарушителя ПДД – а он именно так называл убийцу Вадика – не представляется возможным. Потом и вовсе заговорил о том, что дело он передаст в другой отдел.

Женя в какой-то момент устала и перестала к нему ходить

и звонить. И он ее не тревожил новостями.

Ее подруга Оля, четыре дня назад притащившая к ней в дом посторонних мужчин, заставила Женю почувствовать стыд. Встряхнула ее как-то.

Что она делает вообще?! Почему в ее квартире – доме ее Вадика – чужие неприятные дяди? Они ей зачем?

Женя засовестилась и даже всплакнула ночью в подушку. И по этой причине и позвонила три дня назад в отдел Комарову. А он, оказывается, уволился, и девушка, что его сменила, неожиданно проявила понимание.

Девушку звали Инна Ивановна. Старший лейтенант Мокрова. Так она представилась, когда Женя вошла в кабинет.

– Присаживайтесь, – указала она на стул худенькой ладошкой, напоминавшей куриную лапку. – Давайте познакомимся поближе и сообщая подумаем, что возможно еще сделать.

Можно подумать, они что-то сделали! Все, что Женя видела, – это всевозможные отписки и куча экспертиз. Все!

– Считаете, что это не работа? – ухмыльнулась старший лейтенант Мокрова, когда Женя озвучила ей свои мысли. – Надо с пистолетом по городу бегать, по-вашему?

Вопрос и тон, которым он была задан, Женю смутили. Она извинилась.

– Я внимательно ознакомилась с делом о гибели вашего мужа, – удовлетворенно кивнула на ее извинение девушка. – Еще раз просмотрела записи с камер видеонаблюдения.

– Там не было камер, – перебила ее Женя. – Где сбили Вадика, не было видеокамер.

– Олег Комаров внимательно осмотрел все машины на проспекте, которые спустя три минуты катились в одну и другую сторону. Очень внимательно, – с укором глянула на нее Мокрова. – И составил список всех машин, которые имели внешние повреждения. Ну... насколько это было возможно рассмотреть на записях.

– Он мне об этом ничего не рассказывал, – изумилась Женя.

– Потому что не было результата. Он просто не хотел трепать вам нервы. Дарить ложные надежды. Понимаете, о чем я?

Девушка, не понравившаяся ей с первого взгляда, смотрела участливо. Ее худенькая ладошка лежала на толстой папке. Это было дело о гибели ее Вадика? Надо же... Как, оказывается, там много всего.

– Опрошено очень много людей, – поймала Мокрова ее взгляд. – Работа была проведена колоссальная. Но злоумышленник не найден.

– А что по машинам с повреждениями? Их не удалось установить? Вообще ни одной?

– Ну почему же. Было несколько машин. Олег Комаров нашел всех водителей. Опросил. У всех оказалось алиби на момент ДТП с вашим мужем. И повреждения на автомобилях имели какой-то срок. То есть были получены не в тот

день, а ранее.

– А там есть?.. – Женя указала взглядом на папку с делом. – Там есть эти машины? Фото этих машин есть?

– Хотите взглянуть?

– Хотелось бы, – кивнула Женя.

Зачем? Зачем ей это было нужно? Следовало забыть все и двигаться дальше. Так сказала бы мама, стой она сейчас за ее спиной. Она вообще не понимала долгого Жениного вдовства. Считала, что дочь себя хоронит в воспоминаниях. Некоторые из них были не очень-то приятными. И мама при каждом удобном случае ей об этом напоминала.

Женя на нее сердилась. Отмалчивалась. Плохим воспоминаниям не было места в ее мыслях. Она любила Вадика. Вадик любил ее. На этом все!

– Вот эти машины. Взгляните.

Старший лейтенант Мокрова разложила фото на столе. Целых восемь машин с повреждениями, которые разглядел глазастый Комаров. Надо же, а он большой молодец.

Женя внимательно их осмотрела. Покачала головой:

– Сложно понять, могли эти машины сбить Вадика, нет. Записи очень нечеткие.

– Крови на машинах нет, – подсказала Инна Ивановна Мокрова.

– А крови и не могло быть. Вадик умер в результате сломанной шеи и множественных внутренних повреждений, – нервно дернувшись, вспомнила заключение Женя. – На ме-

сте ДТП не было крови. И эти машины... Скажите, товарищ старший лейтенант, а сами записи... видеозаписи сохранились? Они есть в этой папке?

– Есть. – Тонкие пальчики проникли в кармашек дерматиновой папки, достали флешку. – Мой предшественник Олег Комаров был очень хорошим сотрудником. Аккуратным и обязательным. Он все записи скопировал на «тот самый подлый случай». Это когда что-то исчезает из программы, или вирус кто-то запустит, или просто комп сломается. Все здесь, на этой флешке. Хотите взглянуть?

Женя часто-часто закивала, отгоняя вопрос, а зачем ей это все, куда подальше.

Мокрова вставила флешку в ноутбук. Пощелкала мышкой и через минуту развернула ноутбук монитором к Жене.

– Смотрите...

Она вглядывалась до боли в глазах, но ничего, кроме машин, снующих туда-сюда на скорости, не видела. Для нее это был просто поток из белых, серых, черных, красных автомобилей. Как мог Комаров рассмотреть на этом коротком ролике повреждения? Он настоящий профессионал. Женя впервые подумала о нем с уважением.

– Он замедлял кадр, увеличивал, останавливал, – пояснила Мокрова. – Кстати, одна машина на этом видео, из тех, что имели повреждения, парковалась. И именно в тот момент Комаров и увидел разбитое лобовое стекло и помятый капот. Хотите взглянуть?

Женя кивнула.

Снова щелк-щелк мышкой.

– Ставлю на замедленный просмотр, – предупредила Инна Ивановна, пристраивая тонкие пальчики на какой-то клавише клавиатуры. – Смотрите.

Женя уставилась на экран.

Белая машина, внедорожник, очень медленно проехала на зеленый свет, взяла вправо и через какое-то время начала парковаться. Машина и номера были неизвестны Жене. Никто из ее знакомых на такой не ездил.

Белый внедорожник остановился. Трансляция тоже прервалась.

– Это все? – глянула Женя разочарованно. – Но здесь не видно разбитого стекла. Только вмятина на левом крыле.

– Это не все, – укоризненно глянула на нее старший лейтенант Мокрова. – Проявите терпение.

Ее пальчики легли на мышку, потом снова вернулись к клавиатуре компьютера.

– Заметив повреждения и то, как машина паркуется напротив магазина, Олег запросил записи с их видеокамер. Их там целых две. Видите? – Мокрова указала кончиком карандаша в маленькие точки слева и справа на здании. – И на этих записях отлично видно поврежденное лобовое стекло. И женщину, которая выходит из машины.

Женщину теперь видела и Женя.

Молодая, красивая, стройная, в широких светлых джин-

сах и короткой кофточке яркого рисунка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.